

В. Н. Лисовицкий
*Харьковский национальный университет
им. В. Н. Каразина,
г. Харьков, Украина*

ЕВСЕЙ ЛИБЕРМАН — ИДЕОЛОГ «КОСЫГИНСКОЙ» ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ

Аннотация. Статья посвящена Е. Г. Либерману, которого одни считают главным идеологом хозяйственной реформы 1965 г., другие — своеобразной «ширмой» для апробирования «опасных» идей. Для зондажа общественного мнения был выбран мало кому известный профессор провинциального вуза, представлявший, однако, промышленный регион с крупными машиностроительными предприятиями. Мнение ученого-практика казалось более весомым, чем точка зрения ученого-теоретика. Вторая половина 1960-х гг. стала «звездным часом» Е. Г. Либермана: в западной прессе тогда много писали о «либерализации» советской экономики, ассоциируя это с либерализацией жестко централизованных методов управления. Однако задуманные меры вступили в противоречие с логикой командной системы, движение к рыночным методам регулирования оказалось заблокированным. В статье рассматриваются также проекты реформ, альтернативные идеям Либермана: основанная на кибернетике концепция И. В. Глушкова и теория оптимального функционирования экономики (ТОФЭ), которую позднее переименовали в систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Ключевые слова. Е. Г. Либерман, проекты реформ, реформа 1965 г., советская экономика.

V. N. Lisovitsky

*V. N. Karazina Kharkov National University,
Kharkov, Ukraine*

EVSEI LIBERMAN, AN IDEOLOGIST OF THE KOSYGIN'S ECONOMIC REFORM

Abstract. The article is devoted to E. G. Liberman that is considered as the main ideologist of 1965 economic reform. However, others suppose that he with his image of unknown provincial professor from industrial area was a stalking-horse to test new and dangerous ideas. The peak of his popularity of his ideas was in the 2nd half of 1960-s when western media gave broad coverage to «libermanization» of Soviet economy considering it as a form of liberalization. But his ideas collided with the command system and development of market management techniques was blocked. The article also studies alternative reform projects, like I. V. Glushkov's cybernetic conception and theory of optimal functioning of socialist economy.

Keywords. E. G. Liberman, reform projects, 1965 reform, Soviet economy.

Реформу планирования и управления народным хозяйством страны, осуществленную во второй половине 1960-х гг. в СССР, в нашей стране чаще всего принято называть «косыгинской», связывая ее с именем председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина. Однако на Западе данную реформу чаще связывают с именем профессора Харьковского государственного университета и Харьковского инженерно-экономического института Евсея Григорьевича Либермана (1897–1981). Нередко данную реформу даже называют «либерманизацией» или «либерманизмом» (по аналогии, например, с тэтчеризмом).

Различия в понимании «авторства» реформы 1965 г. отражают противоречивую роль Е. Г. Либермана в этих реформах. С одной стороны, никто не сомневается в том, что именно с публикации его работ

началось открытое обсуждение идей новой реформы. С другой стороны, подчеркнуто скромное влияние Евсея Либермана и на советскую экономическую науку, и на социально-политическую жизнь СССР (очень резкий контраст в сравнении, например, с Е. Т. Гайдаром — идеологом реформ 1990-х гг.!) неизбежно порождает сомнения в самостоятельности сыгранной им роли.

Необходимость идеологической подготовки реформы

В начале 1960-х гг., когда четко обозначился закат «совнархозной» реформы, необходимость нового тура реформ становилась все более очевидной. Процесс реформирования мог пойти либо путем усиления командных методов управления (собственно, такая попытка и была предпринята Н. С. Хрущевым в виде перестройки управления по территориальному принципу и не дала ощутимых результатов), либо путем придания рыночным элементам более адекватного им характера. Этот второй путь и стал основой концепции реформ середины 1960-х гг.

Выбор был далеко не простым. Официальная точка зрения состояла в том, что рынок является институтом не только чуждым социалистической системе хозяйства, но и идеологически ей враждебным. Рыночная стихия трактовалась как антипод и антагонист плано-регулируемой экономики. Любые попытки обратиться к рыночным способам регулирования экономики рассматривались как идеологическая диверсия, а жупел «рыночного социализма» для поборников чистоты социалистических идеалов был еще более одиозным, чем капиталистический рынок, так как подрывал основы изнутри. Югославским, польским и другим «ревизионистам» рыночного толка доставалось значительно больше ругани, чем «просто» буржуазным идеологам, не виновным в «извращении» социалистической модели.

Однако в начале 1960-х гг. ситуация начала меняться. Политическая «оттепель» создала — пусть не слишком последовательно — условия большей толерантности к альтернативным взглядам. В высших эшелонах власти появились прагматики, которые понимали, что для спасения системы, катящейся к системному кризису, не грех и «поступиться принципами». Содержание преобразований они видели в поисках стимуляторов, способных воздействовать на материальные интересы производителей, побуждая их к более эффективному использованию ресурсов.

Такую возможность давало лишь установление прямой зависимости между затрачиваемыми усилиями и полученным вознаграждением. По сути это означало обращение к основному принципу товарного хозяйства — принципу окупаемости. Однако это прямо противоречило «социалистическому» принципу справедливого и равномерного распределения продукта, являющегося общественной собственностью. Такая «ересь» не могла не встретить серьезной оппозиции, поэтому подходы к реформе начались издалека.

Либерман — застрельщик дискуссии о реформе

Все началось с того, что 9 сентября 1962 г. «Правда» опубликовала статью харьковского профессора Евсея Григорьевича Либермана «План, прибыль, премия» [8], в которой предлагались принципиально новые подходы к решению важнейших народнохозяйственных проблем. Автор предлагал сделать некоторые, достаточно осторожные, шаги в сторону превращения социалистических предприятий в относительно самостоятельных товаропроизводителей. Для этого необходимо освободить их от мелочной опеки центральных плановых органов, которые должны устанавливать задания только по объему и номенклатуре продукции и срокам поставок. Все остальные плано-

вые показатели предприятия должны разрабатывать сами, устанавливая прямые связи на основе договорных соглашений.

Чтобы заинтересовать предприятия в выполнении плановых заданий, повышении качества продукции, предлагалось сделать важнейшим оценочным показателем прибыль. «Необходимо, — писал Е. Либерман, — установить долгосрочные нормы рентабельности для отраслей, определяемые как отношение прибыли к производственным фондам, и в случае выполнения предприятием этих нормативов, поощрять его, оставляя ему часть прибыли для стимулирования коллектива в целом и отдельных его работников. Необходимо также упорядочить систему ценообразования, сделать ее более гибкой, чтобы более эффективные изделия были рентабельны, а значит, выгодны для производителей».

Предлагаемые новации были весьма необычны для своего времени и вызвали неоднозначную реакцию. Сторонники традиционных методов управления увидели в них посягательство на основополагающие принципы и сползание к капиталистическим формам хозяйствования. Но появление такой статьи в центральном партийном органе было своего рода «пробным шаром», запущенным сторонниками реформ, с тем, чтобы выяснить реакцию различных социальных и политических сил на возможные перемены.

Почему для столь важного зондажа мнений был выбран мало кому известный профессор провинциального вуза, а не кто-либо из корифеев тогдашнего научного сообщества?

С одной стороны, высказывание «еретических» идей было делом небезопасным, и в случае отрицательного результата таким человеком не жалко было и пожертвовать. Тем более, что Либерман уже отсидел в 1938–1939 гг. небольшой по тем временам срок, когда находился под следствием по сфабрикованно-

му, по доносу одного из «коллег» по институту, обвинению в шпионаже.

Но была, вероятно, и другая причина. Е. Г. Либерман представлял промышленный регион с крупными машиностроительными предприятиями, ситуацию на которых ученый хорошо знал, заведая кафедрой экономики и организации машиностроительной промышленности Харьковского инженерно-экономического института. Известен он был и в научных кругах как автор работ по механизации статистического учета и особенно исследованиями проблем повышения эффективности производства. Постепенно ученый осознает, что решение данной проблемы невозможно без обращения к рыночным регуляторам, что и нашло отражение в опубликованной в «Правде» статье. Свои предложения Е. Г. Либерман основывал не только на теории, но и на результатах широкомасштабных многолетних исследований машиностроительных предприятий Харькова и Харьковской области.

Содержащиеся в знаменитой «правдинской» статье предложения были осторожными — они не посягали на систему централизованного планирования, не выходили за ее пределы. И все же в ней было, по крайней мере, два радикально новых момента. Предлагалось, во-первых, дать предприятиям реальную самостоятельность, что означало шаг на пути превращения их в настоящих товаропроизводителей и, во-вторых, наполнить реальным содержанием и сделать действенными такие рычаги рыночной экономики как прибыль и цены.

Через месяц Либерман еще раз изложил свои идеи по поводу реформы хозяйственного механизма социалистической промышленности на страницах ведущего (и тогда, и в наши дни) экономического научного журнала «Вопросы экономики» [9]. Его доклад «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий» был направлен в ЦК КПСС.

Либерман и общесоюзная экономическая дискуссия 1962–1964 годов

В связи с публикациями Либермана, которые были приняты в «Правду» и в «Вопросы экономики» отнюдь не «с улицы», оживились старые дискуссии относительно роли и места товарно-денежных отношений в социалистической экономике. Теоретические споры «товарников» и «антитоварников» 1960-х гг. носили, конечно, весьма схоластический характер, во многом напоминающий описанные Джонатаном Свифтом в «Путешествиях Гулливера» баталии «остроконечников» и «тупоконечников», бескомпромиссно выяснявших вопрос с какого конца, острого или тупого, разбивать вареное яйцо. Но за этими абстракциями стояла реальная проблема: система «государственного социализма» подходила к границам своих производственных возможностей и требовала либо замены, либо серьезного реформирования.

Разумеется, предлагаемые новации не могли не вызвать отрицательной реакции у ортодоксов и поборников чистоты социалистической веры, которые немедленно обвинили автора в покушении на нерушимые основы. Е. Г. Либерман в связи с «накалом страстей» вынужден был даже оставить институт, в котором проработал много лет. Его «приютили» на экономическом факультете Харьковского государственного университета, где он преподавал ряд экономических и статистических дисциплин.

Вокруг проблем, поставленных в статьях Либермана, развернулась общесоюзная экономическая дискуссия 1962–1964 гг., в ходе которой идеи Либермана оказались поддержаны не только видными учеными-экономистами (например, такими ведущими советскими экономистами как В. С. Немчинов и С. Г. Струмилин [1, с. 69–71]), но также руководителями предприятий и специалистами Госплана. Это означало, что готовящиеся реформы могут опираться на определенную со-

циальную базу — на советскую технократию, которой были близки проблемы, связанные с частыми сбоями в хозяйственном механизме и которая воспринимала эти проблемы именно как необходимость ремонта, не ставя под сомнение пригодность конструкции в целом. Символом идейной победы стала еще одна публикация Е. Г. Либермана в «Правде» [7].

Принятие предложенных Е. Г. Либерманом идей было связано также с успешной реализацией ряда экономических экспериментов, проводившихся с 1963 г. на многих предприятиях («Большевичка» в Москве, «Маяк» в Горьком, шахтах Западного угольного бассейна в Украинской ССР).

«Звездный час» Либермана

Таким образом, к 1965 г. сложились все необходимые предпосылки для начала реформ, и решительный шаг был, наконец, сделан решениями мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС.

Начали, по традиции, с аграрного сектора. Хозяйствам обещали твердый план государственных закупок, неизменный на протяжении 10 лет. Сверхплановая продукция оставалась в их распоряжении и могла быть продана по повышенным ценам. Создавалось, таким образом, что-то похожее на рынок зерна, призванный усилить материальную заинтересованность сельскохозяйственных производителей. В этом же направлении должно было действовать снятие ряда ограничений с личных подсобных хозяйств.

Основной комплекс реформаторских мер был изложен в постановлении сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствованию планирования и усилению экономического стимулирования промышленного производства», принятого по докладу Председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Главная идея заключалась в создании условий, которые давали

бы возможность предприятиям функционировать пусть и на ограниченном, но все же рынке как самостоятельным хозяйственным единицам, которые реально соотносят затраты с полученными результатами и стараются увеличить прибыль. С этой целью, во-первых, значительно уменьшалось количество директивных плановых показателей, которые доводились до предприятия централизованно, а основная их масса переводилась в разряд расчетных, разрабатываемых самими предприятиями с целью оперативного управления своей деятельностью. Во-вторых, менялось качество оценочных показателей. Вместо показателя валовой продукции вводился показатель объема реализованной продукции. В-третьих, центральной категорией хозяйственной деятельности предприятия становилась прибыль. Она теперь перечислялась в бюджет не просто почти полностью, а в виде определенной процентной доли от стоимости производственных фондов (плата за фонды). Часть прибыли, остающаяся в распоряжении предприятия, должна была использоваться для материального поощрения работников, решения социальных проблем и, что было абсолютно новым, для накопления (фонд развития производства).

Эти меры дополнялись реформой оптовых цен в промышленности с целью усилить стимулирующую роль цены за счет ослабления ее перераспределительной функции, а также намерениями развивать прямые связи между предприятиями и оптовую торговлю средствами производства вместо их централизованного распределения. Предусматривалось также повысить роль кредита, который постепенно должен был вытеснить бесплатное финансирование капиталовложений и оборотных средств.

С 1966 г. начался постепенный перевод предприятий на новую систему хозяйствования. К концу 1967 г. реформа охватила более 7 тысяч промышленных предприятий, производивших 40 % продукции и

дававших более половины всех прибылей. Результаты работы в новых условиях действительно оказались более успешными.

Это был «звездный час» Евсея Либермана. В западной прессе писали о «либерманизации» советской экономики, ассоциируя это с либерализацией жестко централизованных методов управления. Итальянский концерн «Фиат» организовал ему поездку в Египет и в Италию, где он выступал с лекциями, разъясняющими суть происходящих в СССР реформ. Публикуются его статьи в зарубежной прессе — в частности, в журнале Международной организации труда была напечатана статья «Роль прибыли в системе стимулирования промышленности СССР».

Выбор между «либерманизмом» и информатикой/кибернетикой¹

Для понимания роли Е. Г. Либермана в реформах 1960-х гг. необходимо учитывать, что его идеи были отнюдь не единственно-возможным направлением реформ.

В качестве альтернативы реформе Косыгина-Либермана рассматривалась, в частности, радикальная «технократическая» реформа на основе тотальной информатизации экономических процессов, предложенная академиком Виктором Михайловичем Глушковым (1923–1982), директором Института кибернетики АН УССР. Идея реформы путем тотальной информатизации экономических процессов, развиваемая Глушковым с 1962 г., была связана с применением системы ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации), базирующейся

¹ В данном разделе с разрешения авторов использован ряд неопубликованных материалов Ю. И. Будович, Ю. В. Латова и Л. Н. Лазаревой, представленных на конференцию «Упущенный шанс или последний клапан?» (К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.).

на создании Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ) [4]². Интересно, что ОГАС Глушкова, как и концепция Либермана, тоже пришла с Украины, ученые которой в 1960-е играли очень важную роль в советской науке.

В. М. Глушков вспоминал: «... мы разработали первый эскизный проект Государственной сети вычислительных центров, который включал в себя около 100 центров в крупных промышленных городах, центрах экономических районов (тогда 100, а теперь нужно 200 примерно). Эти центры соединяются широкополосными каналами и по ним распределяются по территории в соответствии с конфигурацией системы связи все остальные центры, занятые обработкой экономической информации. Их число мы определяли тогда в 10 тыс., а сейчас 20 тыс. Это крупные предприятия, министерства, а также кустовые центры, которые обслуживают мелкие предприятия. Характерным было наличие распределенного банка данных и возможность безадресного доступа из любой точки этой системы к любой информации после автоматической проверки полномочий запрашивающего лица. Был разработан ряд вопросов, связанных с защитой информации. Кроме того, в этой двухъярусной системе главные вычислительные центры обмениваются между собой информацией не путем коммутации каналов и коммутации сообщений, как принято сейчас, с разбивкой на письма, а я предложил соединить эти 100 или 200 центров широкополосными каналами в обход каналаобразующей аппаратуры с тем, чтобы можно было переписывать информацию, скажем, с магнитной ленты во Владивостоке на ленту в Москве без снижения скорости. Тогда все протоколы сильно упрощаются, и сеть приобретает новые свойства. Это пока нигде в мире не реализовано» [3].

² См. также об ОГАС: тематический сайт <http://ogas.kiev.ua> и [14].

Ахиллесовой пятой проекта была его стоимость — около 20 млрд рублей. Реальным сроком реализации задуманного разработчики считали три пятилетки, но и то при условии, что эта программа будет организована с такой же мобилизацией, как атомная и космическая программы [5].

К концепции Глушкова была во многом близка выдвинутая во второй половине 1960-х гг. теория оптимального функционирования экономики (ТОФЭ), которую позднее переименовали в систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Если ОГАС была направлена на ускорение потоков информации, то ТОФЭ/СОФЭ — на формализацию и ускорение выработки оптимальных решений в процессе обработки первичной информации. Приверженцами СОФЭ были многие авторитетные экономисты (прежде всего из ЦЭМИ АН СССР) — Н. П. Федоренко (директор ЦЭМИ), А. И. Каценелинбойген, С. С. Шаталин, И. Я. Бирман, Г. А. Арбатов и др.

Народное хозяйство в рамках концепции ТОФЭ/СОФЭ рассматривалось как сознательно управляемая сложная кибернетическая система. Суть предложений сторонников СОФЭ заключалась в том, чтобы, заменив математическим моделированием классическую политическую экономию (являющуюся, по мнению авторов СОФЭ, «описательной»), вытеснить планирование социалистического товарного производства системой экономико-кибернетических операций [2]. План понимался как долгосрочный прогноз социально-экономического развития, на основе которого формируется критерий оптимальности, являющейся шкалой для экономической оценки всей совокупности производственных ресурсов. Хозяйствующие субъекты выступали в роли подсистем, обладающих способностью к «самодействию» и «самосовершенствованию». Воздействие на них предполагалось с помощью автоматических регуляторов — рыночных рычагов; управление

системой — методом предельных экономических оценок [13, с. 54–76].

Часть весьма уважаемых экономистов считали теорией ОГАС и ТОФЭ/СОФЭ сродни «лысенковскому чуду»³. В то же время консерваторы видели спасение в преодолении противоречия между требуемым объемом экономической информации и возможностями ее получения и обработки.

При выборе варианта реформы основную роль сыграла именно оценка затрат на их осуществление. Здесь проект реформы Либермана выглядел более предпочтительным, поскольку автор оценил издержки на проведение своей реформы в стоимость бумаги, на которой будут напечатаны соответствующие указы и, более того, обещал первые результаты реформы уже через несколько месяцев. Конечно, реформа на основе тотальной информатизации экономических процессов потребовала бы, что очевидно, куда больших затрат финансов и времени. Историки отмечают, что именно А. Н. Косыгин, считавшийся самым «прижимистым» членом Политбюро и умевший (не в пример многим последующим руководителям) «считать народную копейку», выбрал реформу Е. Г. Либермана, отвергнув более «дорогой» подход В. М. Глушкова.

Тем не менее, идеи ОГАС и СОФЭ находили поддержку не только в ЦЭМИ и Институте США и Канады, но и в аппарате ЦК КПСС, где их в течение ряда лет рассматривали в качестве альтернативы «косыгинской» реформе. В этой связи следует вспомнить,

³ В. С. Павлов, премьер-министр СССР, писал в своих мемуарах: «Суть в том, что Цаголов и Кронрод, то есть “товарник” и “антитоварник”, крупнейшие авторитеты своих школ, оба считали СОФЭ именно “лысенковским чудом”, утверждая, что эта теория может привести страну к социально-экономическим катаклизмам» [12, с. 258]. Г. Х. Попов уже в 2000-е гг. ретроспективно вообще утверждал, что он, будучи сторонником других (про-рыночных) взглядов на управление, «считал СОФЭ и АСУ главными опасностями, чем-то вроде “электронного фашизма”».

например, научно-теоретическую конференцию Института экономики АН СССР в 1967 г. Однако в конце концов расширенным совещанием Госплана СССР с участием ведущих ученых-экономистов в 1970 г. теория СОФЭ была объявлена несостоятельной.

Представляется, что одной из ошибок сторонников реформ (возможно, неизбежной в то время) было рассмотрение подходов Либермана и Глушкова как альтернативных. Ведь чисто технологически эти подходы никак не противоречат друг другу.

Государство многократно выиграло бы в случае совместной реализации реформ, основанных:

- с одной стороны, на внедрении экономических методов управления, на расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, объединений и организаций, на широком использовании инструментов материального стимулирования;

- с другой стороны, на тотальной информатизации экономических процессов, связанной с применением Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации, и базирующейся на создании Единой государственной сети вычислительных центров. Не случайно многие специалисты считают, что реализация реформы, основанной на тотальной информатизации экономических процессов, была бы способна обеспечить СССР первенство в создании информационной сети типа Интернет.

В конечном счете, однако, произошло то, что произошло: глушковский проект и концепция СОФЭ остались по существу «кабинетными» научными достижениями, с умеренным практическим применением, а «косыгинско-либерманская» реформа постепенно оказалась свернута.

Блокирование «либерманизации»

Косыгинская реформа, как и любая реформа, не могла не встретить сопротивление. Аргумента-

ция противников реформы была традиционна — это апелляция к усложнению экономических связей, якобы затрудняющих работу. Действительно, в стране, в которой по состоянию на 1966 г. насчитывалось более 300 отраслей, 47 тыс. предприятий и 12,8 тыс. первичных строительных организаций [6, с. 93], реализация идей реформы не могла быть легкой. Истинная причина сопротивления была, однако, иной — это снижение эффективности, а стало быть и значимости существующей (директивной, командно-административной) системы планирования и управления хозяйственными процессами.

Вскоре выяснилось, что реализация намеченных реформой мер столкнулась с серьезными трудностями. Свертывание реформы обозначилось уже в конце 1960-х гг.

Прежде всего, не удалось расширить хозяйственные права предприятий и превратить их в ответственных товаропроизводителей. Отраслевые министерства, в подчинении которых находились предприятия, не были хозрасчетными и потому управляли чисто административными методами, деля и распределяя ресурсы и требуя детальной отчетности о выполнении заданий. Быстро росло число возобновляемых директивных показателей, которых вскоре стало даже больше, чем до реформы.

Не оправдались расчеты на стимулирующее влияние показателя реализованной продукции. В условиях планового распределения почти всей продукции у предприятий не было проблем с поисками покупателей, а потому главной задачей становилось увеличение общего объема стоимости продукции. Это достигалось либо включением в цену как можно больших затрат, либо за счет ассортиментных сдвигов в сторону более дорогих товаров.

Не стала активным стимулятором и прибыль. Судьба предприятия зависела не столько от его при-

быльности, сколько от выполнения всей совокупности плановых заданий. Кроме того, предприятия не были особенно заинтересованы в максимизации прибыли, поскольку им доставалась весьма незначительная и строго фиксированная ее часть, а основная доля чистой прибыли изымалась в бюджет в виде так называемого свободного остатка.

Что же касается возможности самостоятельно расширять производство, осуществлять техническую реконструкцию, то это оказалось невозможным реализовать не только из-за незначительности фондов развития, но и в силу отсутствия свободного рынка средств производства и рабочей силы. По той же причине не получил достаточного развития и кредит.

Задуманные меры вступили в противоречие с логикой развития командной системы. Если бы они были реализованы, т.е. предприятия получили бы возможность свободно распоряжаться своими прибылями, то резко повысился бы спрос, как на потребительском рынке, так и на рынке факторов производства. Удовлетворить же такой спрос в дефицитной, по сути, экономике не было возможности. В такой ситуации нужно было либо отпускать цены, позволяя им ограничивать спрос, либо перераспределять прибыль через бюджет. Логика командной системы неизбежно заставляла выбрать второй вариант. Движение к рыночным методам регулирования оказалось заблокированным.

Все это не могло не сказаться на обобщающих результатах хозяйственного развития. Если вначале было достигнуто некоторое оживление в темпах экономического роста, то очень скоро они начали снижаться и в целом за 1965–1970 гг. оказались реально ниже, чем за предыдущую пятилетку, а затем продолжали падать.

Как видно из приведенных данных таблицы, наибольшее расхождение между официальной статистикой и альтернативными оценками не только по величине, но и по тенденциям, приходится на восьмую

пятилетку (1966–1970) — т. е. именно на период проведения экономической реформы. Официальная пропаганда старалась показать, что предпринятые усилия по совершенствованию хозяйственного механизма дали ощутимые результаты. Однако сделать это можно было лишь путем манипуляции с цифрами [15]. Реальное же положение дел значительно точнее отражают альтернативные расчеты.

Среднегодовые темпы прироста национального дохода в СССР в 1946–1985 гг., %

Данные	Годы							
	1946–1950	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Официальной статистики	14,6	11,3	9,4	6,3	7,8	5,6	4,3	3,6
Альтернативных оценок	-	9,3	9,3	4,4	4,1	3,2	1,0	0,6

Составлено по: [11, с. 327; 16, с. 224].

Таким образом, непоследовательность в проведении реформы не позволила устранить старые недостатки административной системы и породила новые. Это стало поводом для фактического отказа от провозглашенного реформаторского курса и постепенного возвращения к жесткому централизованному планированию преимущественно в натуральных показателях.

В условиях идущей «сверху» установки на свертывание реформ Е. Г. Либерман не мог рассчитывать на былую популярность. Он продолжал исследования в поисках оптимального сочетания централизованного и децентрализованного управления экономикой, но широкой известности его новые работы уже не имели. В 1970 г. выходит в свет его книга «Экономические методы повышения эффективности общественного производства», в которой планирование трактуется как способ предвосхищения экономических закономерностей «ставящий перед производством конечные цели,

но не регламентирующий непосредственно способы их достижения в рамках предприятия, что лишало бы предприятия необходимой маневренности в нахождении оптимальных решений для выполнения плановых заданий» [10, с. 11]. В то же время для достижения этих целей следовало использовать, по мнению Либермана, такой рыночный инструмент как цена, которая «должна играть роль узловой меры соответствия производства и потребления, стать инструментом планомерности не только как единица подсчета стоимости, но и как способ поддержания оптимальности» [10, с. 160]. Конечно, эти мысли «позднего» Либермана оставались достоянием только научного сообщества, уже не влияя на реальную хозяйственную жизнь.

Евсей Либерман, чья научная судьба оказалась тесно связана с косыгинскими реформами, пережил Алексея Косыгина менее чем на год, уйдя из жизни 11 ноября 1981 г. Он не дожил примерно пяти лет до нового — и уже последнего — витка попыток соединить в советской экономике плановое управление с рыночными стимулами. Интересно отметить, что одним из учеников Е. Г. Либермана был академик Д. С. Львов, чьи идеи (например, о смене технологических укладов) до сих пор имеют большое значение для отечественной науки.

Хотя Е. Г. Либермана далеко не всегда включают в перечни видных российских экономистов, его отнюдь не забыли. В Харьковском институте управления с 1995 г. проводят ежегодные Либермановские чтения, в 2015 г. состоялась уже XX-я юбилейная конференция. Главную свою награду Евсей Либерман успел, однако, получить при жизни, когда от его фамилии образовали новый термин — «либерманизация». Второй — и пока последний — раз в истории России подобное новообразование произошло в 1990-е гг., когда благодаря реформам Е. Т. Гайдара русский язык обогатился словом «гайдароэкономика».

Список использованной литературы

1. Валовой Д. В. Экономика: взгляды разных лет : становление, развитие и перестройка хоз. механизма / Д. В. Валовой ; отв. ред. В. Г. Афанасьев. — М. : Наука, 1989. — 452 с.
2. Глаголев В. С. Афера с СОФЭ: история одной экономической дискуссии [Электронный ресурс] / В. С. Глаголев // Российский кто есть кто. — 2005. — № 6. — Режим доступа : http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/62005/sofe.htm.
3. Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается [Электронный ресурс] / В. М. Глушков // ОГАС. — Режим доступа : <http://ogas.kiev.ua/sites/default/files/docs/2011/02/09/htm/zavet.htm>.
4. Глушков В. М. Синтез цифровых автоматов / В. М. Глушков. — М. : Физматгиз, 1962. — 476 с.
5. Деркач В. П. Кибернетика — любовь его [Электронный ресурс] / В. П. Деркач // ОГАС. — Режим доступа : <http://ogas.kiev.ua/sites/default/files/docs/2011/02/09/htm/kibernetika-lubov.htm>.
6. История социалистической экономики СССР : в 7 т. — М. : Наука, 1980. — Т. 7 : Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е гг.) / [И. А. Гладков, И. Ф. Суслев, А. С. Толкачев и др.] ; редкол. : И. А. Гладков (отв. ред.) и др. — 718 с.
7. Либерман Е. Г. Еще раз о плане, прибыли, премии / Е. Г. Либерман // Правда. — 1964. — 20 сент.
8. Либерман Е. Г. План, прибыль, премия / Е. Г. Либерман // Правда. — 1962. — 9 сент.
9. Либерман Е. Г. Планирование производства и нормы длительного действия / Е. Г. Либерман // Вопросы экономики. — 1962. — № 8. — С. 104–112.
10. Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства / Е. Г. Либерман. — М. : Экономика, 1970. — 175 с.
11. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбил. стат. ежегодник / Гос. ком. СССР по статистике. — М. : Финансы и статистика, 1987. — 765 с.
12. Павлов В. С. Упущен ли шанс? : Фин. ключ к рынку В. С. Павлов / [Лит. запись А. Салуцкого]. — М. : Изд. центр «Терра», 1995. — 334 с.
13. Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа : план и экономическая самостоятельность / Н. Я. Петраков. — М. : Мысль, 1971. — 134 с.

14. Пихорович В. Д. Невостребованная альтернатива рыночной реформе 1965 года. К 80-летию со дня рождения В. М. Глушкова [Электронный ресурс] / В. Д. Пихорович // Восток : альманах. — 2004. — Вып. 2 (14). — Режим доступа : http://www.situation.ru/app/j_art_781.htm.

15. Селюнин В. Лукавая цифра / В. Селюнин, Г. Ханин // Новый мир. — 1987. — № 2. — С. 181–201.

16. Шмелев Н. П. На переломе : экономическая перестройка в СССР / Н. П. Шмелев. — М. : Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. — 398 с.

Информация об авторе

Лисовицкий Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, профессор, кафедры экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина, 61077, Харьков, пл. Свободы, 4, e-mail: barsik_38@mail.ru.

Author

Lisovitsky Vladimir Nikolaevich — Ph.D. in Economics, Professor, Department of Economic Theory and Economic Methods of Management, V. N. Karazina Kharkov National University, 4 Svbodyy Sq., Kharkov, 61077, Ukraine, e-mail: barsik_38@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Лисовицкий В. Н. Евсей Либерман — идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы / В. Н. Лисовицкий // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 433–452. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).433-452.

Reference to article

Lisovitsky V. N. Evsei Liberman, an ideologist of the Kosygin's economic reform. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 433–452. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).433-452. (In Russian).